

В срочном донесении сообщалось: Ши Цзиньчжун вступил в сговор с врагом и предал родину. Пользуясь тем, что войска сражались на передовой, а оборона города ослабла, он с десятком сообщников поджог провиант. Благодаря тому что возгорание вовремя заметили, пожар удалось потушить. Однако при подсчете запасов выяснилось, что в последней партии зерна более половины было перемешано с песком и камнями, так что пригодным к употреблению осталось менее половины. Продавдав о случившемся, войска Бэйди возобновили наступление, а провианта в Яньчжоу осталось всего на десять дней. Донесение содержало отчаянную просьбу о немедленной помощи провизией из столицы.

Весть об этом всколыхнула весь двор. В самый разгар ожесточенных боев инспекционный юйши поджигает провиант — подобное действие равносильно государственной измене. К тому же всплыли сведения о хищении военного жалования, и чиновники, переглядываясь, осознали всю тяжесть нависшей угрозы.

Юйши-дафу первым упал на колени, признавая вину:

— Это ваш слуга не уследил за подчиненным и не распознал затаившегося врага в лице Ши Цзиньчжуна! Молю Его Величество покарать меня!

Следом за ним склонился председатель Храма Тайфу, стеля о невинности:

— Ваше Величество, расследуйте это дело! В провианте ни в коем случае не могло быть песка!

Наследный принц обвел взглядом присутствующих и, видя на их лицах смутнение и сомнение, сделал шаг вперед:

— Обвинение в государственной измене — слишком тяжкий грех. Следовало бы доставить виновного в Храм Дали, допросить как следует и лишь затем выносить приговор. Второму брату не следовало убивать его на месте и с ходу заявлять о предательстве — это слишком опрометчиво. К тому же смешивание зерна с песком и камнями — дело небывалой важности. Необходимо направить людей для тщательной проверки, прежде чем делать выводы.

Император Аньцин нахмурился и обратился к Ань Чжикэ:

— А что думает канцлер?

Ань Чжикэ обменялся с наследным принцем едва заметным взглядом, сделал шаг вперед и проговорил:

— Полководец на поле боя вправе не выполнять все повеления из столицы. Яньчжоу находится далеко, а бои идут тяжелые. Должно быть, у князя были веские причины поступить так. Сейчас главное — военные действия.

Лицо императора Аньцина еще сильнее потемнело. Он нетерпеливо постучал пальцами по подлокотнику трона:

— Сколько провианта требуют в Яньчжоу?

Председатель Храма Тайфу ответил:

— Сто тысяч даней зерна.

Император Аньцин слегка изменился в лице:

— Сто тысяч даней?

Председатель Храма Тайфу отер пот со лба:

— Именно так. Однако в настоящее время казна пуста, да к тому же приближается день рождения вдовствующей императрицы... Нам... нам просто не найти сразу столько серебра. К тому же перед Новым годом для Яньчжоу уже выделялась партия провизии, да еще в начале года случился снежный занос... В данный момент собрано столько провианта быть не может.

Лицо императора Аньцина то бледнело, то наливалось гневом. Наконец он с силой хлопнул по столу:

— Казна пуста, казна пуста! Куда же девается серебро, собиравшееся каждый год?!

— Ваше Величество, смените гнев на милость! — тут же пали на колени чиновники.

Император Аньцин некоторое время в ярости смеривал их взглядом, после чего взмахнул рукавами и поднялся:

— Заседание окончено! Обсудим завтра!

События, произошедшие при дворе, разнеслись по столице всего за полдня.

Когда Ань Чанцин услышал доставленную Те Ху весть о нехватке провизии в Яньчжоу, его сердце болезненно сжалось.

С тех пор как из Яньчжоу принесли вести о победе, он непрестанно тревожился, чувствуя, что что-то не так. В этой жизни всё складывалось слишком гладко — настолько гладко, что верилось с трудом. И только услышав от Те Ху о нехватке провизии в Яньчжоу, Ань Чанцин вздрогнул, вспышкой вспомнив обрывки слухов из своей прошлой жизни.

Тогда он слышал об этом лишь краем уха и даже не знал, откуда взялись эти слухи. И тем более не подозревал, что это как-то связано с Яньчжоу и Сяо Чжигэ.

Он помнил лишь смутные сведения о том, что в одной из северных провинций разразился крупный скандал с хищением военного жалования. В то время катастрофически не хватало провизии, а бэйдийцы снова пошли в наступление. Воины и простые жители, несмотря на голод, сражались насмерть. Почти месяц длилась эта жестокая битва, а помощь из Ецзина всё не приходила. Горожанам приходилось питаться древесной корой и дикими травами. Солдаты шли в бой обессиленными, и потери в том сражении были огромны. Хотя бэйдийцев в итоге удалось отбросить, Да Е понесла колоссальный урон.

Ань Чанцин сжал кулаки. Он и подумать не мог, что давно забытые слухи из прошлой жизни напрямую касались Яньчжоу и Сяо Чжигэ.

Примечание автора:

Трусишка: Провианта нет, кушать нечего.

Но-но: Не бойся, у нас есть серебро, я доставлю тебе еду Q3Q

Прошло три дня, а при дворе так и не пришли к единому решению.

Группа гражданских чиновников во главе с наследным принцем утверждала, что слова без доказательств ничтожны, и независимо от того, идет ли речь о государственной измене инспекционного юйши Ши Цзиньчжуна или о хищении жалования, следует направить людей для расследования и сбора улик, и лишь потом делать выводы. Другие же, подобные Ань Чжикэ, пытались уклониться от четкого ответа: они на словах твердили о важности военных действий, но не предлагали ни одного дельного решения.

И лишь несколько военачальников, искренне переживавших за безопасность Да Е, вышли вперед и обратились к императору Аньцину с просьбой как можно скорее собрать провиант и отправить его в Яньчжоу.

Великий генералиссимус Чжуго, Шэньту Бо, всегда бывший доверенным лицом императора Аньцина, не удержался и выступил в защиту Яньчжоу:

— Независимо от того, как позже будут собирать доказательства, опасность, угрожающая Яньчжоу, реальна! Чтобы не потерять город, необходимо как можно скорее собрать провиант и средства и отправить их в Яньчжоу! Иначе Яньчжоу падет, а вслед за ним в опасности окажется вся Да Е!

Шэньту Бо раньше удерживал Сучжоу и Чэньчжоу, но из-за преклонных лет и одолевавших болезней сейчас лечился в Ецзине. Однако его законный старший сын Шэньту Сюй оборонял Сучжоу — пади Яньчжоу, Сучжоу приняла бы первый удар. А его личный ученик Чжоу Ци стоял во главе Чэньчжоу, которая зависела от Яньчжоу, словно губы и зубы: падет один — погибнет и другой.

Глядя на недовольное лицо императора Аньцина на драконьем троне, ему оставалось лишь продолжать:

— Ваше Величество мудры, молю, немедленно отправьте помощь Яньчжоу!

— Поддержку? Казна пуста! Чем, по-твоему, Я должен ее оказать?

Императору Аньцину все эти дни даже во сне снились перебранки чиновников, а теперь, видя, как и Шэньту Бо высказался с давлением на него, он распалился еще больше.

Он вовсе не думал, будто третий сын осмелится сфабриковать дело о растрате военного жалования, однако доводы наследного принца дали ему удобный предлог. Казна пуста — и как бы тяжело ни было в Яньчжоу, раз денег нет, взять их негде! И что тут поделаешь?

Однако сейчас его третий сын сражается на границе, а три северные провинции Е тесно связаны между собой. Весь мир смотрит на него, и просто выдать отказ в поставке провианта он не может — это оттолкнет военачальников. Остается лишь тянуть время, наводя тень на плетень.

— Ладно, не нужно больше споров. Раз к единому мнению прийти не удастся, пойдем на компромисс. Пусть председатель Храма Тайфу подсчитает остатки зерна и отправит всё, что есть, в Яньчжоу, а юйши-дафу отправится вместе с ними и проведет расследование, после чего доложит Мне.

Лицо Шэньту Бо потемнело. Посмотрев на собравшихся чиновников, у каждого из которых были свои корыстные замыслы, он тяжело вздохнул.

Ань Чанцин в нетерпении и тревоге ждал три дня в поместье князя. Когда Те Ху вернулся с разведанными и сообщил, что казна пуста, провианта для Яньчжоу набралось менее десяти тысяч даней, а следом за ним едет юйши-дафу для расследования, сердце Ань Чанцина похолодело.

События действительно развивались по худшему сценарию, который он предвидел. Если вспомнить прошлое, даже эти неполные десять тысяч даней вряд ли доберутся до назначения.

Лицо Те Ху тоже было мрачным. Он хрипло спросил:

— Что же делать? — Прослужив на границе много лет, он лучше кого бы то ни было знал, к чему приводит нехватка еды во время войны.

— Вели готовить экипаж, я отправляюсь во дворец!

Ань Чанцин сжал челюсти, бросил решительный взгляд на север и отправился в свои покои переодеваться.

Облачившись в парадное одеяние для приемов, Ань Чанцин сел в экипаж и направился к императорскому дворцу.

.....

Узнав, что Бэйчжань-ванфэй просит о приеме, император Аньцин с головной болью потер виски:

— Зачем он явился? Не стану его принимать!

Докладывавший евнух пощупал тяжелое серебро в своем рукаве и осторожно добавил:

— Бэйчжань-ванфэй передал, что услышал о нехватке провизии и средств в Яньчжоу и изъявил желание пожертвовать провиант для армии.

— О? — Император Аньцин открыл глаза, оттолкнул служанку, разминавшую ему ноги, немного помолчал и повелел: — Зови.

Ань Чанцина провели во дворец Циньчжэн. Он обменялся взглядом с прислуживающим евнухом, после чего выступил вперед и склонился в поклоне.

Император Аньцин смерил его взглядом, так и не предложив подняться:

— Ванфэй желает пожертвовать провиант?

— Да, — Ань Чанцин пал ниц и размеренно произнес заранее придуманную речь: — До сына вашего дошли вести о том, что бои в Яньчжоу тяжелы, а провианта не хватает. По счастливой случайности ваш сын держит несколько зерновых лавок и может попытаться собрать некоторое количество провизии. Поэтому я и дерзнул просить аудиенции у Августейшего отца.

Император Аньцин неопределенно усмехнулся:

— Ванфэй весьма осведомлен о делах при дворе.

— Это... — Ань Чанцин изобразил замешательство и сомнением проговорил: — Ваш сын действительно беспокоится о ходе войны в Яньчжоу.

Лицо императора Аньцина слегка похолодело, но тут Ань Чанцин опустил глаза и с наплывом смущения прибавил:

— Ваш сын ничего не смыслит в военных делах, я просто искренне тревожусь за безопасность князя. Со дня свадьбы мы с князем не разлучались ни на миг, а теперь он на войне. Пусть Августейший отец не смеется надо мной, но я потерял сон от постоянного страха за него. Потому я и следил за вестями из Яньчжоу, но переживал, что ничем не могу помочь. И раз уж услышал о нехватке провизии, решил внести свою скромную лепту и поспешил к Августейшему отцу, желая лишь облегчить бремя Августейшего отца и помочь князю.

Окончив речь, он снова низко склонил голову. Выглядел он исключительно покорным и кротким, наглядно демонстрируя глубокую заботу о своем супруге.

<http://bllate.org/book/18381/1767693>